

ИЮНЬ

2 Июня 1920 г.

Из воспоминаний Шibaева:

«Я был приглашён к художнику академику Н.К. Рериху вечером 2 июня 1920 года и, как обыкновенно, сидел с его сыном в комнате последнего, разговаривая о разных научных темах. Я не знал, что рядом Николай Константинович и его супруга вместе с младшим сыном занимались спиритическими опытами. Я также не знал, что они спрашивали своих руководителей позволить мне вступить в кружок. Но заручившись положительным ответом, меня попросили войти и сесть за столик.

В комнате был полный свет, и я ясно видел, что всякая возможность обмана была исключена. Столик нервно вздрагивал и подскакивал, и когда его спросили, кто это (был условный стук: раз – да; два раза – нет; три раза – усиленное да), не Учителя ли, – то столик подскочил и ударил раз. Потом было последовательное сообщение букв. А именно, один из присутствующих называл в непрерывном порядке алфавит и, когда буква была произнесена, то следовал стук. Так было собрано несколько фраз, не относившихся ко мне, пока вдруг мадам Рерих спросила, можно ли узнать имя моего Учителя. – «Да!» – Собрали буквы: «Сарти! Итальянец! Жил в Пезаро в 1350 году после Р.Х.» И потом была фраза: «Мы послали его седьмым!» – «Кто? Учителя ли?» – «Да!» – «Тогда его можно пригласить на завтра вечером на физический сеанс?» – «Да!» – «Он медиум?». Сильный стук: «Да!» – «Можно ему показать вещи?» – «Да!» – «Можно попросить дать совет жизненный Владимиру Анатольевичу?» – «Да!» Потом по алфавиту собрали: «Пусть углубляется мыслью в строение мира!»...

Потом мы пошли в другую комнату, где мне показали монеты и талисманы, присланные во время последнего физического сеанса... Потом Николай Константинович показал мне нарисованные медиумистически портреты Учителей. Потом он сел в освещенной комнате, отвернул голову и, закрыв лицо левой рукой, как бы задремал, а в правой руке он держал карандаш над бумагой. Потом начинал рисовать...

Мы все пошли опять консультировать маленький столик... Дело в том, что великими Учителями было посоветовано, чтобы семья Рерих во что бы то ни стало уехала прочь из этой страны. Куда? – В Сейлон».

Шibaев В.А. [Воспоминание о посещении Н.К.Рериха 2 июня 1920 года]. Архив И.Р. Рудзите. Копия. 5 л. Публикуется <http://www.verim.org/> (Звенигород Росов)

3 июня 1920 г. Берлин

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

Berlin 3/VI 920

Дорогой друг, Николай Константинович, получил Ваше письмо и ещё раз виделся с Гессеном. Он пишет Вам второе письмо, ибо первое послал по Вашему старому адресу, хоть я ему и сообщил Ваш настоящий. О чём просили, сказал ему третий раз. Поздравляю Вас с тем, что Ваши вещи куплены в Музей. Это наши победы среди чужих. А также с тем, что Вас так отметили печально где-то на далёком востоке. Мы ещё «поживём»! Пишете Вы, конечно, поживём, я в это очень верю.

Как хотелось бы поглядеть эти работы Ваши, а также и Яковлева! Скучно без Вас. Вы пишете, что продажа идёт в Лондоне вяло., но всё же пишете, что выставка прошла хорошо. Подумайте, что должен сказать я о Берлине, когда тут даже гвоздя или какого-нибудь пустяка не покупают. Всё словно умерло. Все чего-то ждут. У меня на "Sezession" 6 больших и хороших картин, очень хвалят, но никто не хочет купить. Тоска. И везде так. Подумайте только, где я сейчас не выставляю - всюду, но нигде ничего. Вот только из Венеции получил сообщение, что кончилось большим успехом, и 6 работ там продано, причём, как странно, 2 работы купил Vittorio Risa, знаменитый итальянский критик, который тоже готовит мой польский № "Emporium". Журнал этот мне прислали – хорош – книжка. Но художники там никогда не годятся. Я, кажется, поеду в Венецию на днях, жду визу, приеду туда как в свой город. 60 работ на выставке, продано, да и стал там очень популярен, как пишут.

Здесь надо умирать, а я этого не хочу. Семья 10 едет на дачу. Пусть себе отдыхают, а мне не до того. Вам послал целую кучу разных вещей, и журналы немецкие также. Wieland для меня сделал 5 колоров на особой бумаге и вышло очень хорошо, не сравнить, жаль, что послал Вам необыкновенный, не знал. Если поеду в Италию, то зимой буду там делать выставку в Риме, меня уже звали туда, а теперь и знают там. Вы не можете себе представить, как меня тянет вон от немцев, это страна, которой не скоро ещё выйти из стадии великих «Путчей». Да и узко.

Если б не заграничная выставка, то совсем захирел бы я тут в одной Германии. Остаётся только Париж, и я покончу с Европой. Лондон я не ценю и не люблю, и туда никогда не поеду. Пусть меня там и не увидят. И для них, и для меня это неважно. Нагоню в Америке.

Вы что-то затаили, не хотите «сглазить» и молчите, но думаю, что это очень интересно. Скажите что? О Вас я написал в газете такое, что надо было, это не характеристика Ваша, это только защита. Так надо было. Помещаю ряд фельетонов в местных газетах и журналах на двух языках об искусстве и худож. в Сов. России. Материал очень большой. Когда прочтёте, удивитесь, удивитесь немножко и мне, но я уже не в силах быть, чем был раньше, много во мне сдвинуто и я стал социалистом в хорошем смысле этого слова. И как все социалисты, глубоко ненавижу большевиков, искалечивших братскую идею. Пришлю Вам эти статьи. У меня появились ученики, приходят всё новые. Это не трудно, прославиться в Германии, тут не художники, а филистеры.

Горячо жму Вашу руку и кланяюсь Вашей жене. Ваш всею душою всюду спутник

Б. Григорьев

Архив Музея Рерихов, Москва

7 июня 1920 г.

Письмо Н.К. Рериха к Григорьеву Б.Д.

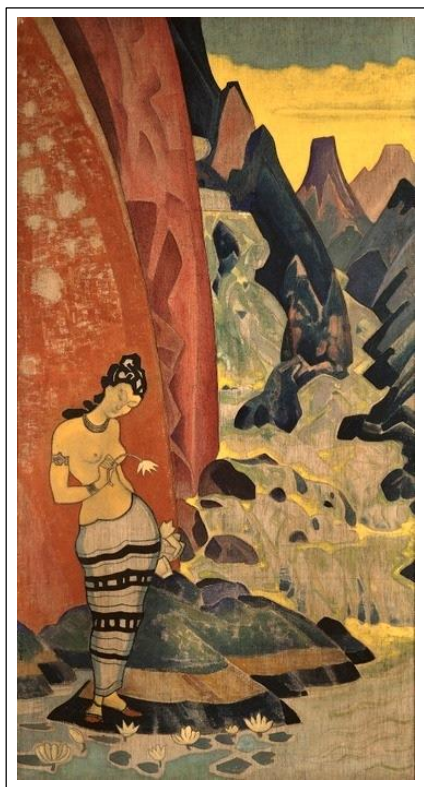
Дорогой друг, посылаю Вам 21 снимок. По использованию верните – теперь ведь восстановить нельзя. Вышлю и статью для Альманаха [Н.Рерих «Адамант» - ред.].

Сердечно Ваш

Н.Рерих

7 Июня 1920

Н.К. Рерих. 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

Н.К. Рерих. «Песнь водопада». 1920.

Н.К. Рерих

АДАМАНТ

Мы много увидели и много узнали...
Кто разрешит задачу построения могучего водопада? А между тем в пене и накипи скрыт великий творческий рисунок. В волнах мирских потрясений часто стираются дела, но зато начинает властвовать сущность сознания.

С священным сознанием народов в наши дни особо повелительно прибавляется лозунг: искусство и знание. Об особом значении этих великих понятий для нашего и для будущего времени надо сказать именно сейчас. Тем – чьи глаза и уши ещё не засорены мусором обихода, чьи сердца ещё не обновлены рычагом машины «механической цивилизации».

Искусство и знание. Красота и мудрость. О вечном и обновлённом значении этих понятий говорить не надо. Ещё вступая на жизненный путь, ребёнок уже инстинктом понимает всю ценность украшения и познания. И лишь впоследствии под гримасой обезображенной жизни эта молитва духа затемняется, а в царстве пошлости она даже кажется или несвоевременной, или уже ненужной. Да, современность доходит даже до такой чудовищности.

Много раз мне приходилось стучаться в эти врата. Говорю:

«Среди ужасов, среди борьбы, среди столкновений народных масс сейчас более всего на очереди вопрос знания, вопрос искусства». Не удивляйтесь. Это – не преувеличение, не общее место. Это – решительное утверждение.

Вопрос относительности человеческих знаний всегда был большим вопросом. Но теперь, когда всё человечество испытало последствие загради-

тельной проволоки, когда в жизнь вошло столько знания, этот вопрос стал насущным. Люди привыкли не только думать, но и бесстыдно говорить о предметах, которые они явно не знают. Самые “почтенные” люди болезненно повторяют мнения, ни на чём не основанные. И такие суждения вносят в жизнь великий вред. Часто неизгладимый. Бесчисленны, лживо знающие и почитающие себя.

Должны мы сознаться, что за последние годы европейская цивилизация сильно потрясена.

Конечно, то, чего ещё не достигло теперь человечество, ему суждено. Трудом и самоотверженностью придётся строить основы культуры. Ведь цивилизация – ещё не культура.

Знания, затворенные в хранилищах и заключённые в умах учителей, опять мало проникают в жизнь. Опять не рожают действенных подвигов созидания.

Жизнь наполнена ещё скотскими велениями брюха. Мы приблизились к черте страшного, заколдованного круга. Заклясть его тёмных хранителей, вырваться из него можно только талисманом истинного знания и красоты.

И пришло время этого исхода.

Сознаемся, что человечество сильно одичало. Нужды нет, что оно ещё носит европейский костюм и по привычке произносит особенные слова. Но под костюмом – дикое пробуждение, а смысл произносимых слов, часто великих, трогательных, объединяющих, уже затемнён. Пропадает руководящее знание. Люди незаметно привыкают к темноте.

Без ложного стыда, без ужимок дикарей сознаемся в этом. Сознание есть уже ступень преуспевания.

* * *

Мало знания. Мало искусства. В жизни мало тех устоев, которые, единственно, могут привести к золотому веку единства. Чем больше мы знаем, тем яснее наше незнание. Но если мы вообще не знаем, то даже и ощущения незнания нет. И двигаться нечем. И двигаться некуда. Тогда уже неизбежно – крошечное царство пошлости.

Молодые поколения ещё не приготовлены заглянуть смело, со светлой улыбкой в ослепительное лицо знания и красоты. Откуда же придёт познание сущности вещей? Откуда придут мудрые взаимные отношения? Откуда придёт единение? То единение, которое служит верным залогом наступательных, твёрдых движений. Только на почве истинной красоты, на почве подлинного знания установятся отношения между народами. И настоящим проводником будет международный язык знания и красоты искусства.

Только эти проводники могут установить глаз добрый, так необходимый для будущего созидания.

Путём вражды, грубости, поношения всё равно никуда не прийти. Ничего не создать. Но сущность человека всё же стремится к справедливому познанию.

Вот скажу не общее место, не пустое слово. Скажу убеждённое устремление подвига: «Единственная опора жизни – искусство и знание. Именно в наши трудные дни, в наше тяжёлое время будем твёрдо помнить об этих светлых двигателях. И в испытаниях и в боях будем исповедовать всеми силами духа».

Вы говорите: «Трудно нам. Где же думать о знании и красоте, когда жить нечем. Далеко нам до знания и до искусства. Нужно устроить раньше дела». Отвечаю: «Ваша правда, но и ваша ложь. Ведь знание и искусство – не роскошь. Знание и искусство – не безделие. Пора уже запомнить. Это молитва и подвиг духа. Неужели, по-вашему, люди молятся лишь на переполненный желудок или с перепоею? Или от беззаботного безделья? Нет, молятся в минуты наиболее трудные. Так и эта молитва наиболее нужна, когда всё существо потрясено и нуждается в твёрдой опоре. Ищет мудрое решение. А где же опора твёрже? А чем же дух зажжётся светлее?»

Ведь не голод ощущаем. Не от холода трясёмся. Дрожим от колебания нашего духа, от недоверия.

Вспомним, как часто, трудясь. Мы забывали о пище, не замечали ветра и холода и зноя. Устремлённый дух окутывал нас непроницаемым покровом. – «Оружие не рассекает его. Огонь не палит его. Вода его не мочит. Ветер его не сушит. Ибо нельзя ни рассечь, ни высушить его: постоянный, всепроницающий, устойчивый, незыблемый, извечный сон. Один почитает его за чудо; другой говорит о нём как о чуде; третий слышит о нём как о чуде, но и услышав, никто не знает его».

Великая мудрость всех веков и народов о чём говорит? О человеческом духе. Вдумайтесь в глубокие слова и в вашем житейском смысле. Вы не знаете границы мощи вашего духа. Вы не знаете сами, через какие непреодолимые препятствия возносит вас дух, чтобы опустить на землю невредимыми и вечно обновлёнными. И когда вам трудно и тяжело и будто бы безысходно, не чувствуете ли вы, что кто-то помогающий уже мчится к вам на помощь. Но путь его долог, а малодушие наше быстро. Но ведь он идёт и несёт вам и «Меч мужества» и «Улыбку смелости». Говорили о семье, покончившей жизнь угаром от отчаяния. Ведь это нестерпимо малодушно. Ведь при будущей победе духа они, ушедшие самовольно и боязливо, будут терзаться, ибо не приложили труда своего к тому, к чему должны были. Не всё ли равно, какой труд. Утопающий борется с волной всеми мерами. Но если силен дух его, то и сила духа его умножится безмерно.

Но чем же вызовете дух ваш? Чем вскроете то, что у многих засыпано обломками обихода? Твержу, повторяю: красотой искусства, глубиной знания. В них, единственно в них заключены всепобедные заветы духа. В очищенный дух вам укажет, которое знание истинно, которое искусство подлинно. Верю, что вы сумеете призвать себе на помощь дух ваш. Он, ваш руководитель, покажет вам лучшие пути. Он поведёт вас к радости и победе. Но и к победе он поведёт вас путём, ступени которого скованы знанием и красотой...

Всему миру приходит трудное испытание. После средневековых испытаний огнём, водой и железом предстоит испытание восприятием культуры, но если сила духа возносила людей против огня и железа, то та же сила вознесёт их на ступени знания и красоты. Но это испытание труднее древних искусств. Готовьтесь к подвигу, творимому в жизни ежедневно. А теперь отнеситесь бережно ко всему, что двигает культуру. С особой признательностью подойдите ко всему, что выявляет ступени красоты. Ведь сейчас всё это особенно трудно. И с особой заботливостью и нежностью мы должны произносить имена, проводящие в жизнь то, чем мы гордимся по праву.

Много серьёзных вопросов, но среди них вопрос культуры будет краеугольным.

Что может заменить вопрос культуры? Продовольствие, промышленность – тело и брюхо. Но стоит лишь временно устремиться к вопросам тела и брюха, как интеллект неизменно падает. Весь уровень народа понижается.

Во всей истории человечества ни продовольствие, ни промышленность не строили истинной культуры. И надлежит особенно бережно обойтись со всем, что ещё может повысить уровень духа. Не мечтаю, но утверждаю.

При всех новых созиданиях, при новом строительстве линия просвещения и красоты должна быть лишь повышена, но не забыта ни на мгновение. Это не отвлечённое суждение – наоборот, ближайший распорядок.

Миру предстоит славное строительство. Подрастающее поколение вне всяких повседневных нужд должно готовиться к подвигу истинного, весёлого труда.

* * *

Во внутреннем строительстве нашем неумоимо мы должны под благим знаком просвещения вносить красоту и знание в широкие народные массы, вносить твёрдо и деятельно, помня, что сейчас предстоит не идеология, не формулировка, но именно дело, творчество, сущность которого понятна и ясна без многословия.

Не слова, но дело. Мы должны помнить, что лик красоты и знания излечит народ от распушенности мысли, внушит ему основы достояния личного и общественного, откроет сущность труда и в лучшем случае понимания укажет народу путь высоких достижений духа. Но для этих простых основных усвоений народ должен подвижнически выявить взаимное благожелательство, единение и уважение к многообразным путям духовных поисков, к сотрудничеству.

Народ должен навсегда духовно оборониться от пошлости и дикости, должен из обломков и из самородков, с любовью найденных, слагать Кремль великой свободы, высокой красоты и глубокого знания.

Знаем, что эти пути красоты и знания особенно трудны сейчас. Знаем, что материальная сторона предательски овладела человечеством, но мы и не скрываем, что надо искать путь подвига.

* * *

И в Лондоне уже было утверждаемо: «Всячески надо стремиться возглашать и широко проводить в жизнь задачи подлинного искусства и знания. Помня, что искусство и знание – лучший международный язык. Помня, что сила народная заключается в его духовной мощи, которая крепнет из источников живой воды. Помните народную мудрость – сказку: источник мёртвой воды, т.е. всё, что для тела, связал, соединил члены разрубленного тела, но оживить тело можно было лишь из источника живой воды. Те священные источники должны быть открыты для исцеления мира. Нет зрителей – есть только работники.

Сейчас приходится говорить простыми, ясными словами, точно на площади; приходится твердить и повторять без устали. Сейчас жизнь наполнена старыми знамёнами, изношенными, как стёртые, негодные лики монет. Сейчас жизнь наполнилась условными, бесчисленными наименованиями. Сейчас забыт «Человек». Просты и ясны слова человеческие, но ещё проще и яснее общечеловеческий язык творчества со всей таинственной убедительностью.

Молодёжи предстоит подвиг истинного внесения в жизнь творчества и знания. Так замкнутые книгохранилища, как обёрнутые к стене картины, так вне жизни стояло часто искусство и знание. Но поколение молодёжи должно подойти действительно и жизненно. И труд, самый простой труд обихода, должен озариться исканиями и победами. Ведь пути искусства в их вековых наслоениях так углублены и бесчисленны, а истоки знания так бездонны. Как весёлая трудовая жизнь предстоит вам, начинающим работать.

Красота и мудрость. Именно молитва духа вознесёт страны на ступени величия. И вы, молодёжь, можете мерами требовать открытия этого пути. Это ваше священное право. Но для осуществления того права вы должны научиться открыть глаза и уши и отличить правду от лжи. Не идеология, а действительное усилие необходимо. Железо ржавеет. Даже сталь разъедается и распадается, если её не обновлять живительно. Так и мозг человеческий костенеет, если не дадите ему совершенствоваться неутомимо. А потому учитесь подойти к искусству и знанию. Эти пути, лёгкие потом, часто трудны в начале. Превозможите! И вам, молодёжи, предстоит одна из наиболее сказочных работ – возвысить основы культуры духа, заменить механическую цивилизацию культурой духа; творить и создавать. Конечно, вы присутствуете при мировом процессе разрушения механической цивилизации и при созидании основания культуры духа. Среди народных движений первое место займёт переоценка труда, венцом которого является широко понятое творчество и знание. Отсюда ясно, что в поколениях народа первое место займёт искусство и наука. Кроме того, эти два двигателя являются тем совершенным международным языком, в котором так нуждается мятущееся человечество. Новые правительства напишут на знамёнах своих: молитва труда, искусство и знание, - и поймут, что вносящий истинную государственность не может ни на минуту забыть о подвиге жизни. Иначе строителю нет путей, и его ожидает разрушение.

Повторяю, твержу как заклинание: «Вы, молодёжь, имеете право всеми мерами требовать от правительств путей искусства и знания. Со спокойной совестью вы должны иметь возможность сказать, что даже в самые тяжкие минуты вы помнили о великих устоях – о красоте и мудрости. Вы не только помнили, но и по мере сил вносили в жизнь этот подвиг, который заменяет радость разрушения истинной радостью созидания. И в таком сознании – залог вашей будущей светлой жизни. Ведь вы знаете: вне искусства далека государственность. Вне искусства темна наука. Вы ведь знаете, что подвиг духа жизни творится не одними пустынноиками и столпниками. Подвиг творится здесь среди нас во имя того, что считается самым священным, самым близким Великому духу. И сознание подвига жизни раскроет вам путь нескончаемо прекрасный.

И вот теперь обращаюсь к вам со словами об искусстве и знании. Ведь вы, рыцари народа, рыцари духа, не останетесь во граде мёртвых. Не разрушением, а созиданием должно кончатся всякое слово. Знаем, что такое мощь созидательной мысли. И вот теперь перед ликом великих поисков мы должны сказать слова, идущие из источника самого лучшего: «Оставьте все предрассудки, мыслите свободно». А всё помысленное во имя красоты и мудрости будет прекрасно.

И ещё скажу вам: «Помните, сейчас пришло время гармонизации» центров, это условие будет краеугольным в борьбе против «механической цивилизации», которую ошибочно иногда называли культурой. Заброшенный ме-

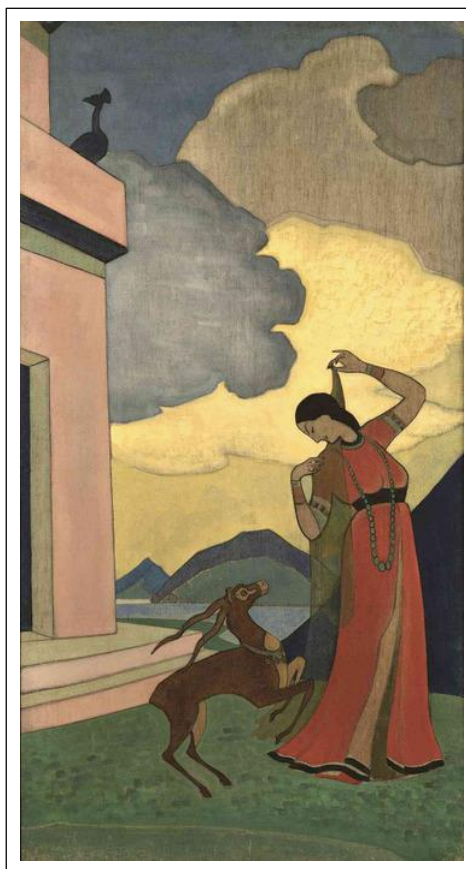
лочами обихода, варварски искореняемый дух уже восстаёт. И растут его крылья. И мы не одиноки в нашей борьбе. Мощный проводник Суами Вивекананда говорит о значении искусства: "Dont you see, I am, above all, a poet". "That man cannot be truli religions, who has not the faculty of feeling the beauty and grandeur of Art". "Non appreciation of art is cross ignorance".

Рабиндранат Тагор кончает статью "What is Art" словами. "In art the person in us is sending its answer to the Supreme Person, who reveals Himself to us in a world of enless beauty across lightless world of facts".

Друзья, сохраняйте вашу светлую, творческую волю. Нет иного пути.

И вы, друзья, в рассеянии сущие. Пусть и к вам просочится зов мой. Соединимся невидимыми проводами духа. Вас зову. К вам обращаюсь. Во имя красоты и знания, для борьбы и труда соединимся.

[1920]

Песнь утра. 1920.

10 июня 1920 г. Берлин.

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

Berlin 10/VI 920

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Константинович.

Получил Ваше письмо, а вслед за ним открытку, которая сообщает об отъезде русского покупателя. Это очень жаль, ибо в Берлине всё вымерло в

связи с выборами. Уже давно никто ничего не покупает, магазины ломаются от товаров, но все ждут.

Завтра утром мы уедем в деревню, три часа от Берлина, там лес, речка и прочие прелести. Ведь мы не видели этих чудес 3 года. Хочется отдохнуть и душой, и телом. Не беру с собою даже красок, дал себе слово ничего не делать две недели. Я и действительно устал очень. Сегодня только кончил мою книгу по «русской эротике», заказанную мне 2 м. тому назад издателем “Wieland”. Теперь эта книга готова. 16 листов. Будет издана очень красиво и внушительно по формату. Самому кое-что нравится из этих работ, но не всё, значит, сильно устал, переутомился. Очень буду рад прислать Вам это издание. Через 2 месяца будет готово.

Вы мне ничего не пишете о получении Вами моих журналов, которые я Вам послал: «Русь», “Tage-Buch”, “Wieland” и целую кучу фотографий и газет. И я начинаю думать, что при вскрытии задержали весь этот материал. Ваши «Письмена» я полюбил, и я очень Вам благодарен за них, хочу их напечатать в «Альманахе». О лекции Вашей много думал, и, конечно, очень бы хотелось её поместить. Присылайте непременно, а также фотографии. Мы всё время толкуем об «Альманахе», приходится, главным образом, поджидать ответов от Бунина, Куприна и ещё кой-кого. Без литературного отдела не хотят издатели. А они – Гессен и Ескин, т.е., представители, а издатель немецкий “Ulstein”. Ещё вчера сидели и толковали, и Гессен, наконец, записал Ваш адрес, хоть и послал Вам уже раньше письмо. Он хочет от себя Вам написать об участии в «Альманахе». Я им рассказывал о Вашем материале. От Яковлева не имеем ответа из Лондона, я ему писал и просил прислать фотографии и заметки свои о жизни среди японских рыбаков, хоть чуть-чуть. Хорошо было бы, если бы Вы на него повлияли и повторили ему мою просьбу. Мне хотелось бы, чтобы этот «Альманах» был на славу, а без Яковлева слава его не будет такой мощной. А контрасты – Вы, Яковлев, я, все мы разные абсолютно, причём, Вы и он, на мой взгляд, сейчас являетесь самыми крупными художниками России. У меня тоже найдутся кое-какие вещицы, они книги не испортят.

Если Гессен станет Вам писать о моём социализме, то не слушайте, ради Бога, кадетов обо мне, они сейчас очень не жизненны. Вы хорошо меня уже знаете по письмам. Вот в последнем Вашем читаю так много лесного о себе, что хочется обнять Вас, и Вы правы - наше «объятие было бы чисто». Если верите в то, что мне искусство необходимо, и даже для России, то верьте и моему голосу, который иногда появляется в печати. Теперь начнут печатать в газетах и журналах мои воспоминания. В них много правды и тяготения к новому, хотя бы на большевистской земле, и там правда есть. Но вот где я её не видел и не вижу до сих пор, так это в прошлом спокойствии и счастии для немногих. На «кадетов» гляжу, как на толстых мамаш, которым пора умирать. Впрочем, Вы сами прочтёте мои записки, они только художественно-революционны и только мимоходом задевают личности, а в связи с ними, эпохи и новое время.

Я много страдал для того, чтобы с какой бы то ни было стороны оправдывать большевиков, но также никогда не позволю себе из-за персональных причин надругаться над истиной, хотя бы на большевистской земле взращённой. Как странно то, что вы пишете об Азии, а ведь это было всегда так, только мы теперь по-новому видим и ближе подошли к Западу. Он всегда был при своей огромной культуре немножко смешон с нашей русской точки зрения. Хоть я и не поклонник всего русского и охотно живу не у себя дома. Даже

наслаждаюсь до сих пор многим, что другие готовы осмеять. Итак, поеду в деревню, там впервые подумаю за 3-4 года над миром, и что-нибудь такое да выдумаю. Надоел себе изрядно. Надо пошевелить мозгами и раскинуть глазами. Вот не могу я стоять на одном пути, Вы мне это советуете, видите во мне мой путь, а я его не вижу, а если и вижу, то готов от него тотчас уйти, убежать... Итак, дорогой друг, до свидания, из деревни буду теперь писать Вам.

Поклон наш жене Вашей, *Борис Григорьев*

Straupitz im Spreewald, Hotel Emil Richter
Квартиру оставляю за собой.

Архив Музея Рерихов, Москва.

10 июня 1920 г.

Письмо И.В. Гессена к Рериху Н.К.

Дорогой Николай Константинович, я писал Вам, но неправильно понял Григорьева и, обозначив нынешний номер дома Вашего, написал название улицы Куин Стрит. Может быть, оно всё-таки будет Вам доставлено, поэтому не стану повторять того, что там написано, скажу лишь – здравствуйте, примите мой сердечный привет и будьте здоровы.

Григорьев предлагает издать альманах, который должен был бы показать, что есть русское искусство и литература. Мне, в общем, план нравится, я не излагаю подробно его мыслей, ибо, вероятно, он Вам писал, а, быть может, Вы и подали самую мысль. Но в разговоре с ним мне пришло в голову, что, пожалуй, следовало бы несколько видоизменить это намерение (на это он же меня и навёл, сказав, что сам желает написать статью о влиянии русского искусства на немецкое) и составить альманах под заглавием «Россия и Европа». В настоящее время снова обрисовывается противоположность между Востоком и Западом, я боюсь, что и не напрасно, отношение цивилизованного мира к несчастной России даром не пройдёт, и потому теперь было бы весьма уместно выяснить, что дала Россия Европе в культурном отношении. Григорьев говорит, что Ваша тема – мудрость в искусстве, это очень меня интересует, и я думаю априори, что она будет отвечать упомянутому заданию. Подумайте об этом и скажите мне своё мнение: если в общем моя мысль кажется Вам правильной, то я не сомневаюсь, что Вы дадите ей блестящее развитие, у меня она только интуитивно вырисовывается.

Как Вы поживаете, неужели действительно собираетесь в Америку, что было бы ужасно: пока в Европе связь окончательно не порвана, а переезд в Америку, да ещё с семьёй, нельзя иначе мыслить, как эмиграция: вот это-то мне и кажется ужасным, хотя я и сам не рассчитываю, чтобы можно было скоро вернуться в Россию.

Будьте здоровы, дорогой Николай Константинович, шлём сердечный привет Елене Ивановне и Вам, а также и Вашей славной молодёжи. Каковы успехи Юрия в искусстве?

Ваш И. Гессен

10.6.20.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

12 июня 1920 г.

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

Berlin 12/VI 920

Дорогой Николай Константинович, сейчас получил сюда на дачу Ваше письмо. Оно перестаёт быть загадочным в моих руках. Я прочёл его несколько раз и понял такое, чего не хотел понять. Вы едете в Совдепию. Это ужасно! Я ещё не совсем здоров, чтобы ответить Вам на это последнее письмо с полной силой, от перемены обстановки и от полного покоя, да и обильной пищи я точно померк, да и с желудком что-то неладно. Но всё же, когда узнал о Вашем намерении, решил высказать Вам мою точку зрения.

Полагаю, что Вы там в Лондоне встретились с «этими «послами» и беседовали, конечно, Вас туда могли позвать и обещать многое, но прошу верить моему глубокому знанию «Совдепа». Туда ехать нельзя и верить никому также нельзя. Там есть люди неплохие, я почти всех знаю, но эти хорошие люди не играют в «Совдепии» никакой роли, они также зависят от <быдла>, как и Вы, и каждый, кто там живёт и кто туда собирается. Ещё на днях я получил точные сведения о том, что наш прекраснейший и чудеснейший художник – писатель Алексей Ремизов – расстрелян...¹ Это становится невозможным. Ведь это был настоящий ребёнок, как он был беден, ему мы носили крупы и старые башмаки, ибо он сидел целыми днями дома без сапог, в холоде и голодный. Вы не можете себе представить психологию русских масс, это настоящие звери. Отдельные индивидуумы окончательно растворились в безрадостной атмосфере русской жизни. А иные также озверели. В первую неделю Вы сойдёте там с ума, Вы не сможете ориентироваться в той группе, которая стала невозможна даже мне, привыкшему, пережившему всё сначала и излечившемуся. Да, кроме того, никакая власть, никакая опека, никакая протекция не удержат чёрную силу, если ей угодно будет раздавить Вас. Говорю Вам всё это, потому что люблю Вас и преклоняюсь перед Вашим талантом, который погибнет там от руки какого-нибудь негодяя. А негодяев там стало так много, что Вы найдёте такового в лучшем Вашем приятеле. Подумайте только о том, что там произошло за эти 3 года.

Будучи за границей, я наслушался всяких вещей, и, конечно, дипломаты новой формации спешат всячески создать умеренное мнение о Совдепии. Но поверьте мне всё ложь, и ложь самая подлая. Нет сил, чтобы описать ужас и мрак русской жизни. Я был глубоко счастлив, когда бежал. Но этому счастью многие завидуют до сих пор. Уехать отсюда безумно трудно. Немыслимо. Попасть туда очень легко сейчас. Вы не найдёте там ничего, кроме сплошного ужаса. Подумайте ещё, пока что-нибудь наладится, ведь мир, о котором все вывыражаетесь, что он «сгнил», клянусь Вам. Это тот самый мир, о котором знает человек, и который мил человеку, который несёт ему свои богатства, в котором нам дано проявить себя; но тот другой, это – не новый мир, а что-то кошмарное, неопишное. Сегодня я готов биться в истерике при одной мысли о возврате. Так вот, что могу Вам немедленно написать, так как не в силах вообразить далее на эту ужасающую тему, которую Вы задали мне вдруг.

¹ Алексéй Михаýлович Рémизов (24 июня (6 июля) 1877, Москва — 26 ноября 1957, Париж) — русский писатель.

Умоляю Вас никому и ни в чём не верить! Вас съедят там жители. Вы ещё не знаете, что такое за ощущение, когда все вокруг Вас только и занимаются тем, чтобы унижить Вас и свалить. А ведь Вы новая величина, европейская, Вас съедят с особым смакованием.

Вы сойдёте там с ума. Вот в это я верю окончательно. Подумайте о жене и детях, и главное, о Ваших творческих настроениях. Они будут там невысказанные, но возврата оттуда нет!

На этом месте вчера я заснул от тишины и непосильных задач, заданных мне Вами, милый друг. Я и во сне всё видел Вас в виде заблудившегося маленького брата, который так долго блуждал, что при встрече со мной не хотел меня сразу признать, и всё задавал мне вопросы такие, от которых я приходил в ужас. Я гладил его по кудрявой головке, успокаивал, но братец мой куда-то звал и звал, не желая вникнуть в мой голос. Под утро я узнал в этом братце Вас и весь сегодняшний день приходил тенью. Моя жена, когда узнала причину, очень была удивлена Вашему намерению, но она успокоила меня тем, что Вы всё отлично рассчитали, что Вы отлично всё осознали, и что Вы едете по причинам более глубоко-внутренним, нежели я полагаю.

Дорогой друг, я предвижу все и те тонкости, о которых Вы сейчас думаете и те таинственные стороны Вашей индивидуальности, которая спрятана от людей. Но от меня трудно утаить современнику свою душу. Я столько перевидал там, что человек сейчас кажется понятным до конца. А такой ценный и чистый мечтатель как Вы, весь в творческом экстазе, мне сейчас дороже всего. Если хотите оставаться таким, не ездите туда даже на денёк, только взглянуть стоит, этого довольно, чтобы потерять образы чудесных видений, которые постоянно с Вами. Мне трудно сейчас с искусством, иной раз мне кажется, что я более не художник – так сильны виденные мною события, о которых Вы только слышите в искажённом виде. Враги наши стараются, а добрая половина русского характера ничего не стоит, она, эта добрая половина дошла до полной силы и всё, что было на Руси, объято выявленной до конца этой половиной характера. Значит, русского чуда уже не существует. Его носите лишь Вы и немногие уцелевшие. Подлость и хитрость – вот черты русские, они дошли сейчас там до апогея. Всё залито этими элементами там. А если б Вы знали, какова развинченность творческая! Уже не существует искусства, а есть одно только безобразие. Как можно жить среди каких-то остервеневших человечков, утративших своё человеческое достоинство и все пять чувств.

А Вы говорите, что Запад «сгнил». Не запад, сгнил, а восток сорвался с цепи. Я не какой-нибудь там сторонник барона Дризена и всей этой побитой революцией рутины. Да здравствует революция! Но нельзя же, чтобы она дошла до абсурда, чтобы человек претворился <невольным> в зверя, и загрызал буквально друг друга не рылом зверя, а хитростью и подлостью, в ком эти вещи сильнее. Надо переждать. Думаю, что ещё долго придётся ждать. Теперь уже нет сомнения в том, что большевизм доживает *свои дни*, ему на смену идёт такое, о чём эти мудрецы даже не догадываются. Впрочем, многие из них сами не говорили, что бежали бы, если б им был обеспечен безопасный путь и полная свобода. Знаете ли Вы, как ужасно то, что они затеяли? Чувствуете ли Вы, какова чудовищна была инерция затеянного?

Но теперь конец, инерция слабнет и вот – остановится. А после этого художнику тоже нечего там делать. Мы с Вами не журналисты и нам надо щадить свои чувства. Впрочем, я не щадил, но ведь я попался, я попробовал, но

ведь, скажу по душам, я был чуть ли не единственным, кто, пробуя, знал уже заранее вкус человеческого трупа. Оставшиеся грешат перед искусством и оно им отомстит. Уже отомстило.

Клянусь Вам, что там такая разруха, такое уныние, что с Вашей душой произойдёт полное бедствие.

Я и сейчас замечаю в Вас самые последние дни некоторую вялость, словно Вы втянулись в некую игру, доселе Вам неприятную, и вот: раз, два, и теперь ставите «ва-банк». Это очень грустно. Вам надо не в Совдепию ехать, а в деревню, и ничего не делать 2-3 недели. Как хотел бы я Вас увидеть. Приезжайте сюда ко мне, тут чудесно. Вам это будет стоить гроши. Полный пансион 25 м. Мне же к Вам нет возможности – валюта.

Сейчас получил все Ваши 19 фотографий, спасибо, очень нравятся. Сегодня же пишу в Берлин.

Получили ли Вы мои журналы и фотографии? а также газеты со статьёй о Вас?

Мой привет Вашей супруге, Всегда Ваш *Борис Григорьев*

P.S Посылаю Вам маленькие воспоминания, очень сдержанные о Совдепии, в газетах будет на днях 3 статьи, пришлю и их.

Архив Музея Рерихов, Москва.

12 июня 1920 г. Нью-Йорк.

Письмо Г. В. Дерюжинского к Н. К. Рериху

Дорогой Николай Константинович, Получил Ваше письмо, в кот. Вы пишете о Ваших планах и о поездке в Индию. От души приветствую Ваше решение, которое будет не только приятно, но, думается мне, по результатам - новый вклад в искусство.

Birnbaum и Scott в скором будущем будут в Англии, их задерживает отсутствие мест на пароходах, но думаю, они Вас застанут ещё в Лондоне. Что касается его и их галереи, я думаю, что на него надеяться очень не следует - много говорит и очень мало делает. Кроме того, они заняты более всего постановкой старых мастеров — уник, а не выставками. Гораздо лучше для Вас будет Kinggore или Noedler. Но решить и сделать хорошее дело можно в Америке лишь личным присутствием. Это аксиома для проведения дела. Американец - по существу - жулик, и жулик грубый, и на него действует положение, репутация и личность контрагента - идёт на дело лишь в расчёте на громадный процент или если это фирма крупная, то по шаблону; шаблон же: группа светских лиц - комитет патронесс, пресса и т[ак] далее, как повсюду, и порядочный процент за фирму и место.

Что касается студии - я один ничего не могу сделать, ибо сам верчусь между двумя Сциллами и Харибдами: прижимом сверху и снизу. Богатые хотят иметь всё дешевле — отливщики и бронзолитейщики дерут 3 шкуры, галереи дерут процент, а я понемногу сплющиваюсь!

Но студия пойдёт, и я уже подготовил почву [здесь] и лицо, которое даст деньги на такой род студии: кроме чистого искусства — прикладное в том духе, как Вы начали в России. Я об этом много говорил этому господину, и он видит в этом «дело».

Что касается школы, то я пробыл в Beaux Art Institute теперь уже несколько месяцев, получил репутацию хорошего профессора, это поможет. Итак, тут тоже необходимо Ваше присутствие. Анисфельд высказал предположение о возможности создания небольшой русской академии, где и он готов принять участие. Об этом он сам со мной заговорил. Видите, всё это в зачаточном состоянии. Необходима широкая реклама, ваша выставка, и тогда дело пойдёт, и заработать можно, и даже недурно. Не стройте себе иллюзий о подвижности американцев. Это всё в прошлом, они теперь объелись золотом, а, как глубоко некультурный народ, к искусству относятся с первобытной точки зрения — любят имена и то, что хвалят в Европе, эти данные у Вас есть — потому валяйте смело, и обращайтесь с американцами нахально, и наступайте им на ногу, и Боже избави извиняться - дерите 3 шкуры и ещё их же ругайте.

Боюсь, что после такой рекомендации у Вас пропадёт охота приехать сюда - но, рассчитав на бумажке, сколько франков, лир, марок и рублей можно получить в обмен на доллар, все эти недостатки кажутся сущими пустяками!! Извините за цинизм, но я хотел бы честно предупредить Вас о том, что можно ждать здесь, чтобы впоследствии Вы бы меня не упрекнули. Есть и тут круг лиц, знающий и любящий искусство, но найти их так же трудно, как в далёком прошлом пришлось Диогену. Старая штука!

В общем, всё глубоко противно, и я спасаюсь одиночеством, хорошим замком на двери и плотными занавесями.

Строй храм — внутри себя и храни врата его денно и ночью.

Крепко обнимаю Вас и желаю Вам приятной и полезной прогулки по нашей несчастной планете.

Пишите в пути, не забывайте.

Искренне Ваш

Г. Дерюжинский

Архив Института «Урусвати» (Центр науки и культуры. Дели). Ф. 1. Оп. 1. Д. 34.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

21 июня 1920 г. Worthing. Museum. Great Britain.

Worthing Museum & Art Gallery
(современное фото)

Искусство в Уортинге

Леди Дин Пол открывает замечательную выставку картин

Яркий вклад в великое русское искусство

В субботу днём в Художественной галерее Уортинга горожанам представили выставку картин русского художника Николая Рериха, которую открыла леди Дин Пол. Среди собравшихся был и сам художник; его внешность впечатляет. Хорошо сложенный человек в расцвете сил, он излучает напряжённость, свойственную мыслящему уму, который умеет не только создавать вещи, но умеет извлекать из своих собственных возможностей тот материал, который сформировал самую основу его художественного творчества.

Не так давно нам говорили, что настоящую и единственную культуру найти можно только в Германии. Нужно ли говорить, что весь мир к настоящему моменту погрузился в глубины так называемой Тевтонской "kultur"! В уортингской Художественной галерее в субботу днём по инициативе г-и Мэриан Фрост, куратора и библиотекаря галереи, друзья высокого изящного искусства были приглашены увидеть нечто совершенно другое.

Читатели "Herald" пусть вспомнят, что в прошлом субботнем выпуске мы поделились кратко впечатлением от предварительного беглого осмотра удивительных картин в Художественной галерее. Эти картины принадлежат кисти Николая Рериха, русского художника скандинавского происхождения, который радостно и с ликованием, как с ильный человек в искусстве, пускается в плавание по мере оригинальности и получает венок победителя скорее за индивидуальность, чем за какую-то пристрастную идею так называемого художественного мастерства.

Талант художника

Николай Рерих принадлежит к тому типу человека, о котором в разговорной форме фразеологии может быть сказано, что он видит предметы по своему или что он обладает тем, что поэты назвали бы внутренним видением. И результат этого можно увидеть на его картинах: предметы изображены в таком цвете и с такой новизной, что те, кто идёт на выставку, чтобы похвалить её, и те, кто идёт с целью покритиковать, - вынуждены спрятаться за спастительным окриком "Halt!".

Как мы сказали на прошлой неделе, его картины удивительны, и поскольку они будут выставляться в Уортинге бесплатно до конца следующего месяца, то пусть наши читатели, вместо того, чтобы отвечать нам критикой или похвалой, сами станут судьями этой выставки, равной которой ни город, ни страна не видели никогда, за исключением разве что того короткого промежутка времени, когда выставка проходила в галерее Гупил в Лондоне.

«Частное» представление

На «частное представление», всего лишь обычный официальный показ, пришло много известных, специально приглашённых лиц. Погода подарила Уортингу самый солнечный полдень, стены Академии, на которых были развешены картины, были залиты таким обилием света, которого не видели ещё в этой части островов.

Было хорошо от того, что природа оказалась настолько щедрой в своём сиянии, поскольку не только прекрасное богатство красок, которым наслаждается художник, но также и глубокий сюжет его картин выигрывают под яркими лучами солнца.

Трудно представить, что можно было бы сказать о картинах Рериха, если мы увидели бы их под «специфическим» лондонским гнетущим сумраком, который иногда рассеивается редкими проблесками искусственного света.

Церемония открытия

В отсутствие мэра (у него была ранее запланирована встреча) председательствовал член муниципалитета Дж. Дентон, при поддержке леди Дин Пол (которая осуществляла церемонию открытия), советников Джексона (председателя музея и комитета Художественной галереи), Г.Б. Беннета, Г.Б. Кука и Ф.К. Нила, профессора Милюкова (бывшего министра иностранных дел России), г-на Николая Рериха (талантливого художника, представляющего выставку своих картин) и г-на Л.С. Палмера.

Председатель сказал, что хотя мы в Уортинге мало знаем о русском искусстве, по крайней мере, мы космополитичны, и нам всё равно, откуда пришло к нам искусственно, главное, что оно до нас дошло. (Аплодисменты). Мы можем поздравить себя с показом такой прекрасной коллекции картин в галерее Уортинга, потому что за исключением выставки в галерее Гупил в Лондоне картины не были показаны больше нигде на Британских островах. Выставку очень просили на севере Англии: в Лиде, Шеффилде, Манчестере и Ливерпуле. Каждый город пытался получить картины для своей временной экспозиции, но, как он слышал, у коллег на севере было мало шансов осуществить свои желания, надежда была только на возможное появление новых обстоятельств, однако все договорённости уже были сделаны.

Таким образом, продолжал председатель, мы понимаем, что должны быть очень благодарны нашему куратору (г-же Фрост) за те усилия, которые она так успешно приложила для того, чтобы получить для временного показа такое прекрасное собрание картин. Галерея искусств города Уортинга ещё молода, ей исполнилось только двенадцать лет с момента открытия. В настоящее время она нуждается в картинах. Первые картины для показа в нашей галерее были нам подарены нашим дарителем – Художественной галереей, и с тех пор мы увеличили их количество, но у нас ещё достаточно места на стенах, которое нужно запомнить, и если леди или джентльмены имеют картину работы хорошего старого мастера, будь то портрет или пейзаж, которой они пожелали бы поделиться (комитету неважно к какой школе они принадлежат: к фламандской, итальянской, испанской или любой другой), этот дар будет с благодарностью принят и будет вывешен для показа за счёт города.

Искусство и жизнь

Леди Дин Пол во вступительной речи по поводу открытия выставки отметила удивительное сродство между искусством и жизнью: искусство явилось выражением жизни во всех её формах.

Она сказала, что именно эту особенность посетители увидят в картинах г-на Рериха. Он изображает жизнь не только как мы видим её, но и в формах неорганической жизни – скалы, камни и тому подобное – так, как он понял их.

В заключение леди Дин Пол отметила удачную развеску картин, способствующую раскрытию совершенно удивительного замысла, которым они обладают помимо исключительной выразительности цвета. Она также высказала уверенность в том, что все присутствующие почтут за честь приветствовать г-на Рериха на островах. (Аплодисменты).

Член совета А.К. Джексон вручил леди Дин Пол специально переплетённый экземпляр каталога и особо отметил тот факт, что Уортинг стал первым провинциальным городом, который получил право на временный показ его картин. Он добавил, что комитет не смог бы взять очень большой кредит на организацию выставки – эта честь также принадлежит их куратору г-же Форст.

По предложению члена совета Беннета, поддержанного членом совета Куком, сердечную благодарность принесли леди Дин Пол за её присутствие и за исполнение церемонии открытия.

Безмятежная и тихая атмосфера

Профессор Милюков сказал, то хотя Россия ассоциируется сейчас с именами Красина и Ленина, внутренней борьбой и горем, он уверен, что нет никакого желания в этот день разбираться в сложном вопросе этой страны, поскольку в безмятежной и тихой атмосфере нашего любимого города Уортинга мы перенеслись в более высокую сферу, созерцая красоту и очарование, представленные художником на картинах, развешанных в выставочном зале.

Русское искусство в целом довольно хорошо известно и в Лондоне, и в Англии, но больше всего это касается музыкального искусства, русская живопись значительно менее известна. Если бы мы прочитали небольшую заметку о Рерихе в каталоге, мы заметили бы, что живописец не в состоянии объяснить всё, что прошло через его сокровенную душу. Следует подчеркнуть то, что на художественное восприятие живописца очень большое впечатление произвела скандинавская природа, которую он изображал.

Далее профессор Милюков сравнил картины Рериха с некоторыми музыкальными произведениями Вагнера и в этой связи провёл поразительную полную проникновенного внутреннего видения аналогию между искусствами – музыкой и живописью, сочетающуюся с критическим суждением, которое показало, что экс-министр иностранных дел является тонким ценителем священных искусств, даже если это искусства разных народов.

По предложению супруги мэра, поддержанному к-ном Л.С. Палмером, в адрес профессора Милюкова были высказаны слова сердечной благодарности, и церемония открытия была объявлена закрытой. Затем собравшиеся приступили к осмотру картин.

В ответном слове г-н Рерих выразил свою признательность, кратко ответил: «Я не могу говорить на английском языке, но я выражаю вам свою большую благодарность. Я всегда считал, что искусство и знание – это самый лучший международный язык». (Аплодисменты).

Статья из неизвестного издания. 1920

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

21 июня 1920 г. Straupitz
Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

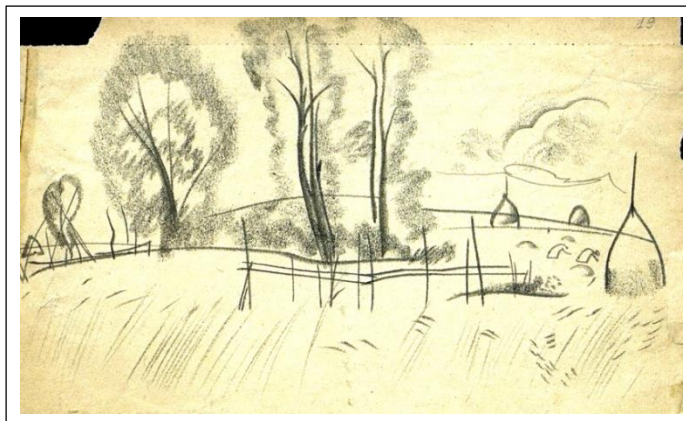
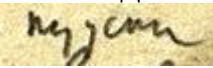

Рис. Б. Григорьева в письме. Л. 1.

21/VI 920 Straupitz

Дорогой друг, сюда пришёл я с Вашим письмом и не хотел его открывать - боялся, что найду в нём повторение Вашей мысли о Совдепии. Лежу и думаю о моём Вам последнем послании, которое, боюсь, причинит Вам неприятности. Я чего-то там много написал, и наверное, глупо вышло. Но знаю одно, что буду Вам подобные вещи писать до тех пор, пока Вы не поедете куда-то, чтобы удивлять тех, кто Вас считает реакционером. «Сюрприз», о котором Вы пишете для людей политики, ясно мне сказал всё о Ваших намерениях... Теперь Вы опять загадками стараетесь разжечь негодование против Ваших замыслов. «Так надо верно», но что надо? Ровно ничего не надо, кроме того, что нам художникам надо. Жить с искусством в слезах и не думать о каких-то новых путях, которые вновь хочет бешено протоптать на посевах любви, вот что нам надо. Это всё одно кокетство! Мудрость не должна молодиться и прихорашиваться. Прошли времена. У нас нет больше молодёжи, а есть лишь щенки от бешеной собаки, сбежавшей из Иерусалима. Нам труднее, чем Вам. Кто из нас вышел честно из боя? Нам не нужны те, кто потерял свою величавость у белых или «красных». Давайте проявим себя обновлениями, спасениями! Наша ра-

дость < > современникам перед старостью. Мы призваны в Европу впервые не модою, а настоящим духом времени. Согласен. Нам суждено быть включёнными в тот грядущий ряд мужей с востока, чей молодой оскал уже победил ворчливость на измождённом лице Европы. Но мы должны залить Запад не кровью, смешанной с желчью. А тою живою водою, которая, ..умывшись Вами и временем, потечёт из Русской земли.

Вы ещё пишете про Индию. Я убеждённый европеец и считаю индийцев шарлатанами. Мне известны сейчас лица, кто предпочитает контакт Ленина с индусами, яко бы, пока он, Ленин, с ними, никакая пуля ему не страшна. Я люблю поэзию живых глупцов, но ненавижу мудрость истуканов. Но поехать хотел бы очень в Индию. Для прочих это сплошная декорация. Счастлив от Ваших добрых слов, но я не пойму, отчего такие люди как Вы и Яковлев не живут дружно. Это очень жаль. «А для новых путей ещё билеты не продают». – И слава Богу! Бросьте! Неужели, дорогой Ник. Конст., Вы всё это серьёзно выдумали? Пишете мне великую для меня радость о Судейкине – моём друге,

но не напишете его адреса. Ведь он был убит, так что, все пали там, и его жена много раз была в слезах. Он в Париже? Дайте адрес. Милый друг! Как он сейчас работает, какой был настоящий талант, настоящий художник и интереснейший человек.

Поклон жене Вашей,

Ваш Борис Григорьев

Архив Музея Рерихов, Москва.

24 июня 1920 г. Лондон.

Письмо Н.К. Рериха к Рабиндранату Тагору

Дорогой Мастер!

Пусть мои слова напомнят Вам о России, где созданные Вами прекрасные поэтические образы, которые вызваны Вами, несут красоту и утешение человеческой жизни, и где Ваша личность окружена ореолом восторженного почтения. Вы приносите в современную жизнь ту высокую духовную радость, которая даёт силы искателям лучезарного будущего.

Примите, пожалуйста, самые сердечные приветствия русского художника.

Искренне Ваш *Н. Рерих*

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА 2011.

24 июня 1920 г. Лондон.

Письмо Рабиндраната Тагора к Рериху Н.К.

Дорогой друг,

Ваши картины, виденные мною в вашей комнате, и репродукции Ваших картин, появившиеся в некоторых художественных изданиях, глубоко взволновали меня. Они заставили меня осознать то, что собственно очевидно, но что каждый должен заново открыть для себя самого: то, что истина бесконечна.

Когда я попробовал высказать словами самому себе, что собственно представляют собою Ваши картины, я не смог это сделать. Это потому, что язык слов может выразить только известный аспект истины, а язык живописи находит своё полное выражение в истине там, где слова бессильны.

Каждое искусство выражается в совершенстве, если оно раскрывает для нашего восприятия те затворы, ключом от которых только он владеет. Если произведение живописи совершенно, то мы никогда не в состоянии сказать, что оно означает, но в то же время мы видим и понимаем это. Такова же природа музыки. Если одно искусство может быть полностью выражено другим искусством, то тогда оно неудачно.

Ваши полотна кристально ясны, но они не объяснимы словами: Ваше искусство ревниво охраняет свою независимость, потому что оно велико.

Искренне Ваш

Рабиндранат Тагор

24 июня 1920.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА 2011.

24 июня 1920 г. Straupitz.
Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

Berlin 24/VI 920 / *Straupitz im Spreethall.*

Какой быстрый и нежный ответ от Вас, мой великолепный Рёрих! Как рад, что ошибся. Признаться, я и не верил моему предположению. Но, по чём знать, думал, теперь так меняются люди. Многие, самые верные, таинственно-настроенные и жившие вне людишек, вдруг к моему великому изумлению, сделали этот ход в «политику». Они также углублённо и таинственно, измеряя меня каким-то коротеньким и презрительным мериллом, сообщали мне, что всякий ответ мой, каждое возражение заранее обречено быть ничтожным, ибо то, что происходит, сильнее всяких творчеств, индивидуумов и старых умов и взглядов. Пришло, мол, такое, что сметёт всё и вся от старого. Живя с этими «мудрецами» 3 года, я под конец, казался себе каким-то отощавшим духовно, да и признаться, очень слабым в борьбе. Ибо нельзя было даже и бороться. Ну вот, когда здесь, в Европе, отошли страхи. Я стал проверять многое. Многое, действительно, пришлось понять и отбросить. Честному человеку врать не хочется. Но должен Вам сказать, впрочем, о чём уже высказывал Вам вскользь, что многое также я утратил среди приобретённых новых ценностей. Вот на этом-то месте я и согрешил перед Вами, не поняв Вас до конца.

Когда Вы писали: «будьте далеки от предрассудков», «надо идти новыми путями». Мне казалось, что Вы говорите в связи с духом времени. Тем более, что в связи с «реакционером» Вы готовите «сюрприз» для всё тех же человечков. Отсюда и вышло недоразумение, вызвавшее меня на откровенность. Оказывается, Вы, сейчас это ясно я сознал, всё тот же цельный философ, и дух Ваш по-прежнему забегает вперёд. И столь крупному новшеству, каково сейчас явлено, Вы также шлёте улыбку скептика, или, вернее, не скептика, а оккультиста. Вот на этом месте я пасую. Ибо 3 года в эпоху величайшего во времена реализма показали мне и некоторые смешные стороны оккультного воображения. Тут я бы хотел помолчать опять-таки из того же чувства, которое было уверенно и неуверенно перед новыми вождями. Но, всегда, я ни во что не верил. А любил только иронию. Конечно, в строго художественной форме явленную. Как много её было и у Вас! Но у Вас ещё была и вера, которую я видел всегда такую чудесной. И я знал, что эта вера только Ваша, а потому никто другой к ней не мог бы приобщиться. Мне труднее без веры, потому я такой несчастный и иногда выгляжу и чувствую себя очень жалким, слабым и даже мелким...

От любви, должно быть, это происходит. Я люблю всё и всех. Не люблю только тех, кто для меня делает многое и ненужное, а за это требует в вознаграждение всю мою жизнь, моё время, выдавливая из меня какие-то желчные слова... Я знаю только одно - или счастливый, или сильный, я же ни то и ни другое, от этой милости я и погибну раньше того, когда хотел бы. Впрочем, есть один выход: когда будешь погибать, тебе ведь всё равно, попробуй сначала сразить в себе любовь. Быть может, без неё и лучше. Я сейчас как раз в этой стадии. Пишу Вам эти строки на всякий случай. Это правдивейшая характеристика моя. Люди судят быстро и грубо.

Меня очень волнует Ваша «колоссальная энергия». Вот Вы теперь поедете в Индию. И я верю, что Вы её покажете Миру. Вы явите не индуса на слоне,

около слона, а слона в индусе. Как бы я хотел увидеть всю Индию в одном глазу индуса! Много лет тому назад я написал на Вас стихи:

Биенью пульса ведёшь ты счёт
И знаешь то, чего не знает
Души отчаянной полёт
Тебя уведший вон из стаи...
Так и с тобой приятно схожи
Твои великие дела.
Ты – строг, дела ж - тебя не строже,
Ты жжёшь- но копишь пепела!

Конечно, это не совсем буддийский портрет, но всё же он написан в моей манере. Теперь я кистью пишу ещё чище, ещё ярче выявляю контрасты характера, от чего он становится и на холсте характером, прежде всего, а потом та маска, которую носит каждый человек в отличие от другого. Лучшее всего я сделал полторасаженный портрет Шаляпина, где контрасты были сами по себе замечательны. Вот они: Львица, крючник, Цезарь, актёр.

Какой такой Вильямс приобрёл эту вещь для Лондона? Накануне моего отъезда он звал меня в Англию, но я тогда ещё и помыслить не имел о бегстве за границу. Так случилось всё это неожиданно, в два дня судьба моя так сложилась. А вот Вам и мой портрет:

Скрипит осины стержень,
Качает вороньё,
А в мире всё враньё –
Никто во мне не свержен!
Я линией премудрой
Разрежу скуку глаз,
Как молния, как утро
Она разбудит вас.
Я знаю точно – рос я,
Что - родина – труха!
Средь вас – велико – рос - я!
Но к вам душа глуха!

Вы пишете, что «когда увидимся» расскажете мне «как и что вышло». Но, думаю, мы не увидимся никогда, если Вы теперь уедете в Индию. Мир с каждым днём становится «не маленьким», как Вы пишете, а всё более страшно-необъятно-огромным. Одну Совдепию не объедешь за всю жизнь, а ведь оттуда идут эти идеи разрушения путей сообщений. Через год Индия будет казаться Европейцу другой планетой. Так верю я. Как жаль, что я подчинился моей жене и так, благодаря безрассудности моей жены (женщины) попал впросак, которым я называю всю Геранию. Застрял здесь в условиях немецкой мелкости. Чтобы выбраться, хотя бы в Париж, для этого надо выявить не энергию и не способности, а коммерческую жилу, которой у меня нет среди всех тысяч других скверных жил. Сейчас в Берлине полный застой, должно быть всюду, потому что картины мои лучше прежних, и выставлял по всей Европе, кроме Парижа и Вашей столицы, «островитянин». И как странно, ведь успех имеется. В Италии даже попал в Историю искусства» в 5 томах изд. в

Милане. В Берлине же называют «вождём». И Вы напрасно осуждаете так Европейское внимание, его деликатность возбуждает меня более голого колена российской угодливости.

И уж совершенно не согласен с Вами, что Запад сгнил, - земля, которая немного отдохнула. Ведь мы же с Вами – западники. А кроме нас, я верю, и ещё немало творцов. Запад расцветает. Я это вижу и знаю на примерах. Какое мне дело до той возни, скоро надоеет и возня. Мы не стоим. И не мы одни. Если б я в это не верил, то просто гулял бы себе до самой смерти, а я знаю, что сейчас именно, кто-то, где-то, не гуляет, а задыхался от быстроты творческого темпа. О, эти хитрецы, они меня не надуют. Я вместе с ними буду ещё смеяться. И превесело.

Научили меня жить эти красные черти!

Итак, очень рад, что Вы далеки от Совдепии.

Но что значит «ещё и билеты туда не продаются»? Вот так загадка! Теперь я знаю Ваши «новые пути». И желаю Вам счастья.

Мой искренний привет Вашей супруге.

Неизменно любящий Вас *Борис Григорьев*

Архив Музея Рерихов, Москва

26 июня 1920 г. Финляндия

Письмо А. Д. Руднева к Н. К. Рериху

Professor dr. A. Rudnev

Finland. Kàmàra / 26.6.1920

Дорогой Николай Константинович,

Грехам моим нет конца. К счастью, сестра жены моей помолвлена с итальянским офицером, может быть, молитвы его в совокупности с молитвами всех моих друзей других религий дадут необходимые индульгенции. Я уже сегодня написал два письма: Юлинскому и Петражицкому. Видимо, гром не грянет... а сейчас я пишу под аккомпанемент не прекращающейся уже около 2 часов грозы. Дождь льёт, как из ведра. После хорошей погоды это даже приятно.

Получил Вашу последнюю открытку, которая разошлась с моей. Я Вас уведомил об исполнении поручения по части страховки. Б. Шейнин написал Вам письмо, так что Вы о нём знаете? Вы меня спрашивали раз о Голенищеве-Кутузове: я наводил справки не раз, но совершенно безрезультатно. Никто ничего не мог мне сообщить.

Теперь немного об общих делах: Цейдлер привлёк меня в Кр. Крест, где я избран вместе с Александровым и Грубе (оба деловые и реальные люди) в ревизионную комиссию. На почве участия в Кр. Кресте Иванова с Бутлеровым и Гулевича, который теперь (с этой точки зрения к счастью) уехал за границу, происходят неприятные трения в колонии, особенно между Особым Комитетом и Кр. Крестом. Теперь и меня избрали в Ос[обый] Комитет. Против Карташёва идёт крупная компания. К сожалению, на этот раз он дал повод к ней одним весьма неосторожным и по-моему неправильным письмом по поводу призыва Цейдлера к Красным Крестам об помощи международного Креста разных стран несчастным умирающим в Петербурге (без участия русск. Кр. Креста). За это Карташёв назвал Кр. Крест соглашательским учреждением, бросившимся в политику. Я весьма определённо держусь мнения, что остающиеся в Петербурге, за немногими исключениями, — соглашатели, но в действии Ц[ейдлера] я ничего подобного не усматриваю. На днях выборы предсе-

дателя. Ведут (и я согласен) Грубе. Я его прежде не знал. Какой он человек, я не знаю, мне он скорее симпатичен, а главное — это единственный человек, который не говорит, а делает. Школы были при последнем издыхании, и он достал деньги, и немалые, причём сам пострадал. Он помогает молча направо и налево. Про это ни он, ни другие не говорят. Я сам видел, как его просили и как он, не задумываясь, дал 500 марок. Существуют другие кандидаты, если он откажется. Д. Д. Гримм, но он, как и Карташёв, по-видимому, смотрит на Комитет, как на учреждение, играющее политическую роль, что противоречит уставу. Это, конечно, не желательно. На днях мне сообщили, что некоторые, в случае отказа Грубе (и в том числе он сам), хотят меня!!! Грубе смог бы денег достать, а я?.. Думаю, что это несерьёзно. Как это всё противно с этими интригами. А лица, окружающие А. П., большие интриганы и, главное, не брезгающие грязными средствами. Ошибка Иванова вообще в том, что он весь и всегда «я» и обо всех других всегда говорит позорящим образом, а сам больше говорит и желает иметь вид, чем делает. В [настоящее] его интриганство я не особенно верю, но таковым его считают все. Гулевич, разумеется, дипломат. Ему портит весьма его ужасный сын. Вы с ними виделись?

В Выборге мы имели еженедельные музыкальные вечера. У нас бывали и местные, и приезжие музыканты. Теперь нас оставил Кольбе, уехавший в Гельсингфорс. С моими гармонизациями сейчас наступила остановка. Но придётся думать об их издании. Напр[имер], Блох, Давидов, Арцыбушев, Арсеньев и др. находили их весьма интересными и считают меня не гармонизатором, а композитором в них; Б[лох] считает их чуть не эпохой в художественно-этнографической] музыке (как Григ для норвежской музыки, так это для монгольской).

В положении русских здесь произошли ухудшения, но как мы с Вами не раз говорили, виною в этом слишком часто сами компатриоты. Разумеется, есть и другие причины. Но всё же я не вижу оснований для той мрачности, с которой многие смотрят на все события. Я лично чувствую большее тяготение к возможности возобновить работу по специальности. Обидно быть одним из 5 монголистов в мире. Единственным из них свободным и не иметь применения своих данных. Я знаю, что в Бошии² нашлось бы и место работы, но туда мне не по пути. Я думаю об Америке, Японии, Китае. Или где-либо в Антантской Европе. Вам не говорил П. Н., почему он мне не ответил? Считает он меня неправым или это случайно? Жена и я шлём Вам всем наш душевный привет.

Ваш Анд. Руднев

[Приписка на л. 1об. вверху:] Спасибо Вам за Вашу монографию. Мы здесь крайне радуемся Вашим успехам в Англии. Что будут сыновья делать в Индии?

[Приписка на л. 2 об. вверху:] Прилагаю (хотя жена находит, что я это делаю напрасно) рисунок-фантазию моего сына и очень хотел бы знать Ваше мнение о нём. Если это сколько-нибудь интересно, то не откажите вернуть и скажите, что делать с его рисованием. Поощрять ли рисование, и что рисовать.

Архив Института «Урусвати» (Центр науки и культуры, Дели). Ф. 1. Оп. 1. Д. 18.

² Бошия - Босния - ред.

28 июня 1920 г.

Из воспоминаний В. Шибачева:

«В Англии русским нелегко было получить визу в Индию, но семье Рерихов и мне, как секретарю, визы, в конце концов, были выданы 28 июня 1920 года. Радость была великая, но, как часто бывает в жизни, человек полагает, а судьба располагает. Так и тут! Николай Константинович получил приглашение директора Чикагского института искусств посетить Америку и устроить выставки в тридцати городах Соединенных Штатов... «

Публикуется по изданию: Держава Рериха, М. Изобразительное искусство, 1994.

ИЮЛЬ

Март-август 1920

Обращение к Н. Рериху:

«Много пользы принесёшь миру».

«Картины твои имеют значение для будущего».

«Храни твоё устремление». Алл. Минг

«Пиши безбоязненно свои картины — в них сила!» Алл. Минг

Публикуется по изданию: «Записи Учения Живой Этики». М. 2008.

Н.К. Рерих. Святой Глеб-хранитель. 1920

*(Виньетка на обложке "The Russian Economist. Journal of the Russian Economic Association" (Лондон)
Опубликована как "Святой Глеб-хранитель")*

5 июля 1920 г. Штраупитц.

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

5.VII 920 / Straupitz

Дорогой Николай Константинович,

Все эти дни пришлось прожить в Берлине. Дела. А потому только сейчас прочёл Ваше письмо с адресом Судейкина. Спасибо. В Берлине нехорошо, хоть и не хотелось снова ехать в деревню. Люблю я город, а после некоторой разлуки с ним, он кажется прямо чудесным. И так приятно пожить одному в огромном городе, где разные дела и встречи, в совершенно пустой квартире из 6 комнат. Где только мебель напоминает о родственниках.

ния, и я рад, что внешним актом вступления в членство Вы укрепили своё положение в мире тех, с кем Вы уже были, без сомнения, давно связаны иными путями. Я всегда рад знакомству с новыми членами, желающими приехать и встретиться со мной и способными в удобное время посетить для этой цели Штаб-квартиру.

Возможно, Вы - один из них. Если это так, пожалуйста, нанесите мне визит, однако, если можно, предупредите меня об этом заранее, так как случайные посетители очень рискуют быть разочарованными.

Если я не удостоюсь удовольствия увидеться с Вами, надеюсь, Вы не будете против ответить мне: как возникло у Вас решение присоединиться к нам. Было ли это вызвано какой-то книгой, лекцией, или заметкой в прессе, или же случайным разговором?

Я задаю этот вопрос, потому что, если я буду знать относительную ценность различных используемых нами методов работы с общественностью, это может помочь в эффективности пропаганды и уберечь от пустой траты усилий.

Преданно и братски,

Ваш Г. Бейли Уивер

Публикуется по изданию: Фосдик З. Г. Встречи с Рерихами. М.: Сфера, 1998. С. 708-710.

14 июля 1920 г. Нью-Йорк
Письмо Мэриан Фрост*) к Н. К. Рериху

14 июля 1920.

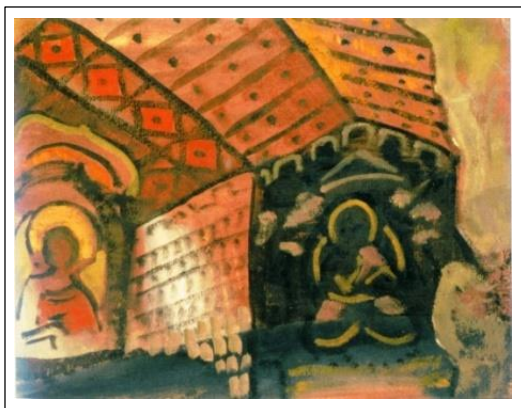
Николаю Рериху, эсквайру 25 а, Queen's Gate Terrace, London, S.-W.

Уважаемый г-н Рерих,

Рады выполнить Вашу просьбу: приложить имеющиеся три каталога, как просили. У нас никогда не было такой популярной выставки, как выставка Ваших картин; тысячи людей посетили её и были очарованы.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Машинопись. Перевод с англ. Е. Е. Корчёмкиной).

*)Мэриан Фрост, F.L.A. Библиотекарь и хранитель.

Н.К. Рерих. Интерьер церкви. 1920.

Н.К. Рерих. Георгий Победоносец. 1920.

17 июля 1920 г. Лондон.

Декларация Н.К. Рериха, заполненная В Американском консульстве при отъезде из Лондона.

Л.1.

(Form 228.)
(Established July, 1917, and amended July, 1918.)
DECLARATION OF ALIEN ABOUT TO DEPART FOR THE UNITED STATES.
(See General Instructions No. 585.)

AMERICAN CONSULATE-GENERAL, LONDON, ENGLAND, July 17, 1920.

I, Nicholas Roerich, Professor Artist,
a citizen or subject of Russia, since Birth
bearer of passport No. 634, dated December 23, 1918, issued
by Russian Consul in Stockholm, am about to go to the United States. The persons mentioned below are the immediate members of my family; those whose names are underscored accompany me on this journey.

Wife, Helen, born at Petrograd 1879

Sons under 16 years of age, as follows:
Sviatoslav, born at Petrograd 1904

And daughters under 21 years of age, as follows:

1. I was born at Petrograd, on September 27, 1874

2. My father was a citizen or subject of Russia, of the Russian race; my mother was born a citizen or subject of Russia of the Russian race.

3. (a) I last resided at London 25 Queen's Gate Terrace, on July 10, 1919
(b) I have resided in or visited the following countries within the past six years for the objects mentioned herein: Russia (1917), Petrograd, Finland (1917-1918), Wiborg Sweden (1918-1919), Stocksund, Norway, Bergen, London
objects of residence: July 10, 1919

4. I have previously resided in the United States as follows:

5. I intend to depart for the United States on the date, from the port, and on the steamship as follows:
August 13, London (Bombay), Maidera

6. I name the following, with addresses, as references:
(a) Sir Bernard Pares, (King's College) Dr. Hagberg Wright.
(b) Chr. Brinton, Homestead Farm, Westchester, Pa.

7. I expect to go to the United States for Russian Embassy
Exhibition of paintings.
as shown by Invitation from Dr. Christian Brinton.
Documents or other proofs of object
to reside at New York
City, street and number

*[I desire to proceed to the United States merely in transit to _____ and to remain in the United States only _____ days. I intend to depart from the United States at _____.]

8. I have informed myself of the provisions of Section 3, Immigration Act of February 5, 1917, and am convinced that I am eligible for admission into the United States thereunder.

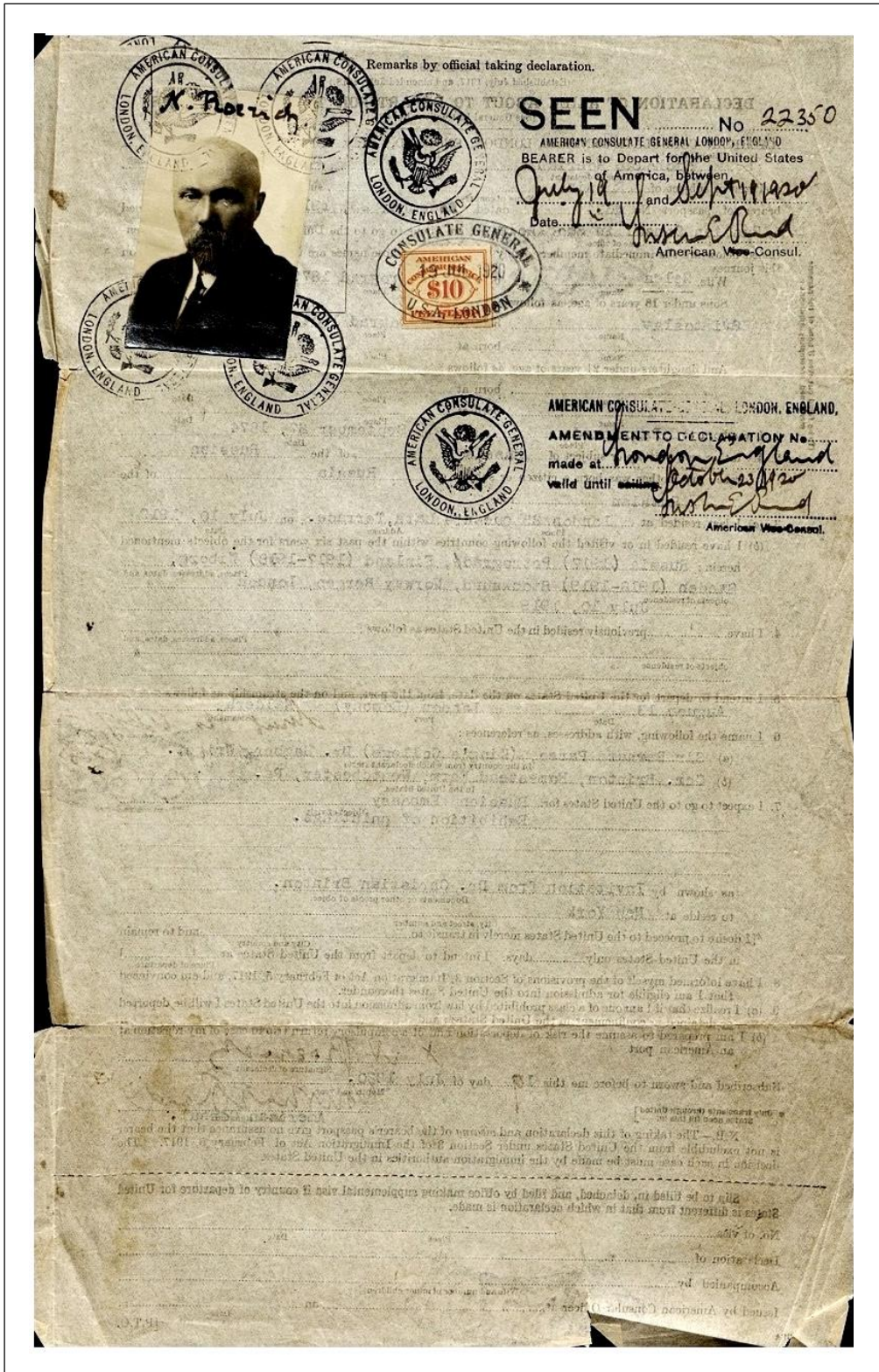
9. (a) I realize that if I am one of a class prohibited by law from admission into the United States I will be deported or detained in confinement in the United States; and
(b) I am prepared to assume the risk of deportation and of a compulsory return trip in case of my rejection at an American port.

Subscribed and sworn to before me this 17 day of July, 1920.
Signature of declarant: N. Roerich
Signature of official: [Signature]
American Consul

[Only transients through United States need fill this in.]
N.B.—The taking of this declaration and vising of the bearer's passport give no assurance that the bearer is not excludible from the United States under Section 3 of the Immigration Act of February 5, 1917. The decision in each case must be made by the immigration authorities in the United States.

Slip to be filled in, detached, and filed by office making supplemental visa if country of departure for United States is different from that in which declaration is made.

No. of visa _____ Place _____ Date _____
Declaration of _____
Accompanied by _____
Issued by American Consular Officer at _____ on _____ Date _____ [P.T.O.]

19 Июля 1920 г.

Письмо Судейкина к Н.К. Рериха

Здравствуйте, дорогой друг Николай Константинович!

Здесь мы живём дружно; и есть проекты воскресить выставку "Мир Искусства". Григорьев - в Берлине, здесь: Яковлев, Сорин, Реми, Гончарова, Ларионов, Стеллецкий - в Каннах. Только не хватает нашего председателя, который предпочитает холодного Альбиона Парижу, городу вечной живописи. С каким восторгом говорил недавно о Вас Ф. Журден, председатель Осеннего Салона, вспоминая "Половецкие пляски" и "Священную Весну"!

Я думаю, Николай Константинович, что, если Вы тронули глаза и сердца рыбоподобных "бриттов", то здесь Ваше имя имело бы ещё более горячих поклонников и друзей. Приходите и правьте нами. Судейкин.

Н.К. Рерих "Старые письма" 1939 г.

21 июля 1920 г. Штраупиц.

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

21.VII 920.

Родной мой, не было от Вас давно писем, а сегодня, получив, наконец, весть от Вас, я сильно был рад им. Но до чего грустное письмо! Почему «скоро нельзя будет русским оставаться в Англии?» Впрочем, я чую причины. Иногда я думаю о том, почему бы нам с Вами не соединиться. Старая моя мысль, конечно, в том случае, если вы не едете в Индию. Должен Вам откровенно сказать, что немцы исключительно народ корректный и сдержанный. С ними жить очень приятно. Но беда в том, что они очень обеднели. Трудно с деньгами, а их надо много, чтобы прожить. Но говорят, что к осени дела будут отличны у немцев. Меня тянет переехать в Париж из-за друзей. Всё-таки одному трудно. Не судьба нам пожить с Вами бок о бок. Иногда я думаю, хорошо бы устроиться где-нибудь на острове или в деревне. Работать и поддерживать друг в друге творческую энергию. Хочется жить с искусством, только с ним. Ваш колоссальный дух творческий меня бы поднял. Хочется увидеть хоть одну подлинную картину. В Германии этого нет. Всё очень бездарно и, именно, нехудожественно.

О каких картинах русских Вы пишете в Мюнхене? Я ничего об этом не знаю. Хотя там устраивают сейчас мою выставку. Статью Баумгартена не печатают из-за того, что журнал не может решиться, чтобы улучшить бумагу для воспроизведения репродукций. Я очень был раздосадован и писал Станкевичу не один раз. Теперь я послал эту статью в Прагу к Дризену в «Русское дело». Она пойдёт там. А также хочу поместить в «Альманахе». Сейчас все разъехались до конца августа и потому все дела стоят.

Я Вам писал уже, что могу послать Вам все Ваши фотографии, кроме 10-ти, подобранных мною для «Альманаха». Поверьте, дорогой мой, что вина не моя, что тянется так долго. Вы сами знаете всех этих финансистов, как они не спешат.

Мне пришлось заказать 4 комплекта моих фотографий, и ниоткуда ещё не получил обратно. Вы просите к 1 авг. Вам все вернуть, но это невозможно, друг мой. Как идёт Ваша книжка о русском искусстве? Скажите, не хотел бы

Тагор дать о Вас своё мнение? Нельзя ли хотя бы записать его слова о Вас. Я бы очень хотел иметь это у себя для моего труда о русском искусстве, а в частности, и Вас.

Сейчас я усиленно работаю над моей книгой о «Совдепии» с иллюстрациями. Материал очень забавный. Осенью будет она издана. Как жалею, что не можете послать мне фотографий с Ваших последних работ. А то давайте сделаем друг для друга подарок, Вы мне, а я Вам. У меня тоже пока имеется 10 новых работ. «Новый век».

Возможно, что буду ездить в Прагу каждые две недели на занятия с учениками. Дризен там работает очень благородно. Он оказался благороднейшею личностью. Мало таких людей, а сейчас – клад. Как рад был Вашему письму.

Не забываете, и верьте моей преданности! Как Вы смотрите на Прагу? Не хотите туда? Вас там на руках будут носить!

Ваш Бор. Григорьев

Архив Музея Рерихов, Москва.

24 июля 1920 г. Париж

Письмо А.В. Руманова к Рериху Н.К.

Paris. 24. VII

Дорогой и милый Николай Константинович!

Так приятно было увидеть Ваш почерк: в сердце сразу поднялась тихая ласка к Вам. Мил друг, держитесь крепко: всё будет хорошо. Вас ведёт верхняя линия – верьте ей. Воскресение или понедельник буду в Лондоне, и обо всём переговори. Проведу в Лондоне дней 5-6.

Обнимаю Вас горячо.

Аркадий Руманов

Архив Института «Урусвати» (Центр науки и культуры, Дели). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8.

26 июля 1920 г. Лондон.

Письмо Н.К. Рериха к Рабиндранату Тагору

Дорогой Мастер и Друг, давным-давно, когда книги Вашей поэзии стали для меня любимым чтением, я мечтал когда-нибудь встретиться с Вами.

Теперь эта мечта осуществилась, я – обладатель Ваших строк, которые бесценны для меня. Я шлю Вам сердечные приветствия и мою глубокую благодарность, которую можно выразить лишь одним из самых прекрасных русских слов «Спасибо», что означает «Да благословит Вас Бог».

Всегда Ваш Н. Рерих

Д-ру Рабиндранату Тагору

26 июля 1920. Лондон

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА 2011.

29 июля 1920 г. Straupitz.

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

29.VII 920. Straupitz.

Дорогой друг!

Какая грубая ложь. Какая клевета на мир, на человека! Кому сказать об этом? Только Вам. Сейчас пронеслась гроза. Как много она дала! Словно смах-

нула вчерашнюю пыль с души. И вновь она чиста. Надолго ли? Как трудно донести радость до следующего дня. Сегодня до вечера пробыл я в полях. Там нашёл, как золотой кусок, старичка. Он сидел, словно после молитвы. Думал ли он? Нет, он, должно быть, дремал. А вокруг него бряцали цепями овцы, да коза среди них. Кто послал его пасти? Молодые. А они что делали? Быть может, спорили всё о том же. Я бродил с холстом. Я нигде не мог встать. И мой мольберт натёр мне под мышками. Подле старика я встал. Положил краски. А когда он глянул на меня из глубины своей, я схватил кисти. Так до темноты я оставался подле старого лица. Всё в нём было загадка, ещё не разгаданная живописцами. А тяжёлые лучи солнца ушли незаметно. Подошла коза. Что у неё было за лицо! Именно – лицо! Вот и картина.

Старик и коза. 1920.

Теперь её пишу. И плач над нею, ибо она нашлась. А завтра, быть может, я её потеряю... Что будет завтра? Я давно уже не ищу. Я отдаюсь моей судьбе. О, как грустно, как тревожно!

И снова завтра. И снова холст. Быть может остановит судьба. Быть может, подойдут лучи. Я всегда опаздываю к еде. Все уже давно сидят. Приглашение. Улыбка заготовлена перед зеркалом. Лица их ласковы, но всё тот же на них вопрос. Потом музыка. Мампе в бокалах, и гости, гости вокруг моего стола. Всё то же печальное лицо жены. Опять уже спит мой сын, и я не могу передать ему зрелую сливу, которую сорвал с дерева. Донесу ли до завтра мою радость, зрелую сливу, мою жизнь?

А музыка уже занялась. Полицайштунден ещё не скоро. Опять несут бокал с Мампе. Прошли запоздалые евнухи-волы с высоким возом ржи. Теперь начинаются танцы. Шпреевальдерки в синих и красных юбках да в белоснежных фартуках, наколов на голове бабочки из пике, показались на балконе.

Простите мне, добрые люди, за моё скучное лицо. Я неповинен в нём. Я иду посидеть у края моего сына. От него так сладко пахнет. И я погляжу на эти кулачки. Во сне они недвижны как мрамор. Добрый друг мой, Рёрих, я подумаю и о Вас, у края сына моего.

P.S. «Лучше бы ты шёл в ногу со своими друзьями. А то из холода рождается только лёд. Бог с ним!» - пишете Вы, дорогой друг, о Саше Яковлеве. Да поможет ему Господь! Поможет он и нам.

Верный Вам *Борис Григорьев.*

Сейчас получил от Яковлева письмо, он идёт на l'île Port-Cros, var (<chez M-me Bunan Varilla) > Какая досада, его журналы не дошли до меня и затёрлись.

Архив Музея Рерихов, Москва.

АВГУСТ

2 августа 1920 г. Берлин

Письмо И.В. Гессена к Рериху Н.К.

СЛОВО/Издательское Товарищество.

Правление Берлин SV 68

Дорогой Николай Константинович,

Ваше письмо от 15 июля я только вчера получил, когда уже всё спало, я прочёл. Итак, мы расстаёмся. Странно: ведь и сейчас мы далеки друг от друга, и сколько времени не виделись, и как редко переписывались. Но когда я представляю себе Индию, потом Америку, когда представляешь себе пароход, на который Вы садитесь, чтобы отправиться в это путешествие, что-то внутри обрывается. Не знаю, удастся ли ещё увидеться, мало на то шансов. Приближение старости даёт себя чувствовать, напоминает о себе тысячью различных проявлений. В это время мы привыкли пользоваться результатами прежних трудов и напряжений, а теперь надо в этом возрасте начинать сначала. Это вроде того, как старику жениться на молоденькой девушке. Не подумайте, что все эти «жалобы» относятся на Ваш счёт, нет, они имеют автобиографический характер и вызваны мыслью о разлуке с Вами навсегда.

Я спешу это письмо отправить, чтобы Вам горячо пожелать счастливого пути и больших успехов. Как же сыновья, придётся им прервать высшее образование, или вы как-нибудь устраиваетесь.

Здесь производит большую сенсацию и имеет большой успех книга гр. Кейзерлинга: «Дневник философа». Это записи во время кругосветного путешествия, по моему мнению эта книга бесцветная, но она подаёт мысль, не сделаете ли вы того же: я убеждён, что у Вас оно выйдет значительно.

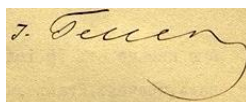
Перехожу отсюда к Вашим произведениям: напишите до отъезда письмо к Боннье, чтобы он отдал мне Вашу рукопись, иначе он моего требования не удовлетворит. Во-вторых, нет ли у Вас одного экземпляра Вашего первого тома; и не склонны ли Вы сделать к нему рисунки. При первой возможности (т.е. отделившись от классиков и учебников, которые идут в первую очередь), мы бы переиздали первый том.

Боюсь, что письмо Вас не захватит, и спешу его послать. Мои шлют Вам вместе со мною самые горячие пожелания счастливого и благополучного пути.

Будьте здоровы, и дай Бог ещё раз свидеться.

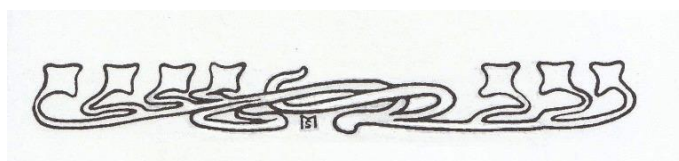
2/8/20

Ваш

[И. Гессен]

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

11 августа 1920 г. Прага.
Письмо Н. В. Дризен к Рериху Н.К.

11. VIII. 1920

Многоуважаемый Николай Константинович,

От Бориса Григорьева Вы, вероятно, знаете (он с Вами в переписке), что я в Праге занимаюсь газетой. Газета честная, внепартийная, но с прогрессивным направлением. Мало-помалу собирается интересный [состав] сотрудников, из коих многих Вы, конечно, знаете, как-то: А. И. Куприн, И. А. Бунин, А. Н. Толстой и др. Очень желательно было бы иметь Н. К. Рериха. У него, вероятно, много интересных впечатлений о Лондоне и вообще об англ[ийской] жизни. Как Вы насчёт этого думаете? Пока мы не особенно богаты средствами, а потому я Вам могу предложить 75 гел[леров]' за строчку, что приблизительно равняется 25 сант[имам] франц. (а на англ. деньги я не умею считать).

Пока это обстоятельство не смущало наших литературных тузов, и они охотно отзывались на приглашение. Затем вот что я хотел Вам сказать: здесь, по-видимому, затевается театр. Я, конечно, принимаю в нём участие. Ожидая сотрудничества Бориса Григорьева, по крайней мере, имею его обещание. А Вы что мне ответите? Репертуар ещё не выработан, но нужно решить принципиальные вопросы. Наконец, по тому же театру, имею определённое Вам приглашение от здешнего чешского театра. В нынешний сезон они предполагают ставить в Праге новую драму Мережковского «Царевич Алексей». Произведение не знаю, но вероятно, интересно. Соблазнит ли Вас сюжет, и что бы Вы сказали, если бы Вас официально пригласили писать эскизы? [Кстати, *entre nous soit dit* *)], д-р Химр, руководящий здешним Виноградским театром, боится к Вам приступить. Говорит: «и хочется, и колется, и бабушка не велит. Ваши художники дороги, не подступиться к ним». Я взялся передать Вам его пожелание, но в душе думаю след.: Николай Константинович отыграется на чехах, а нам, для русского театра, даст и хорошо, и подешевле. Напишите, правильно ли я мечтаю?

Жду от Вас известий по трём вопросам: 1. газета, 2. участие в рус. т[еат]ре, 3. участие в театре чешском (Царевич Алексей).

Ваш Н. Дризен

А что как настроение? Б. Д. Григорьев пишет, что кислое.

*) *Между нами говоря (фр.) – Ред.*

Архив Музея Рерихов, Москва.

